

# Сказки братьев Гримм.

## Гусятница



Давно уж это было: жила-была на свете старая королева, у которой муж уже умер и осталась одна дочка-красавица. Когда та выросла, то была помолвлена с одним королевичем на чужбине.

Настало время вступать им в супружество; королевна должна была отправиться в иноземное государство, и ее мать-королева дала ей в приданое очень много ценной утвари и украшений, серебра и золота, кубков и всякой казны – одним словом, все, что принадлежало к ее приданому, потому что она очень любила свою дочку.

Кроме всего этого старая королева отдала своей дочери и такую служанку в провожатые, которая должна была с нею вместе ехать и передать ее в руки жениха; каждой из них – и невесте, и камеристке – королева дала по коню.

Конь королевны звался Фалада и умел говорить.

Когда настал час разлуки, мать-королева пошла в свою опочивальню, взяла ножичек и порезала им пальцы, так что кровь из них закапала; на пальцы она наложила тряпочку, накапала на нее три капли крови, отдала дочке и сказала: «Милое дитяtko, побереги эти капли моей крови; они тебе в дороге пригодятся». Так и распрощались они со слезами; тряпочку королевна спрятала к себе за пазуху, села на коня и пустилась в путь к своему

жениху.

После часового переезда королевне очень захотелось пить, и она сказала своей камеристке: «Сойди с коня и зачерпни мне воды из ручья в тот кубок, который ты для меня захватила, мне очень пить хочется». – «Коли вам пить хочется, – отвечала камеристка, – так вы можете сами сойти с коня, приклониться к воде и пить, а я вам служанкой не намерена быть».

Королевну так мучила жажда, что она сошла с коня, приклонилась к воде ручья и стала пить, и не смела золотым кубком воды зачерпнуть.

Невольно вырвалось у нее восклицание: «Ах, Боже мой!» – а три капельки крови отвечали ей: «Кабы знала это твоя матушка, у ней сердце в груди разорвалось бы!»

Но королевна только запечалилась, не сказала ни слова и снова села на коня.

Так проехали они еще много верст; а день был жаркий, солнце палило, и вскоре жажда стала снова мучить королевну. Проезжая мимо реки, она еще раз позвала камеристку и сказала: «Сойди с коня и дай мне напиться из моего золотого кубка». Она уж на нее сердиться и не думала.

Но камеристка отвечала ей еще горделивее: «Коли хотите пить, ступайте и пейте, а я вашей служанкой быть не намерена».

Тогда сошла королевна с коня от великой жажды, приникла к текучей воде, заплакала и сказала: «Ах, Боже мой!» – а три капельки крови ей опять отвечали: «Кабы знала твоя матушка, у ней сердце в груди разорвалось бы!»

И между тем, как она жадно пила и к воде наклонялась, выпала у нее из-за пазухи в воду тряпочка с тремя капельками крови и понесло ее водою по течению, и она того в волнении своем не заметила...

А камеристка-то это видела и радовалась тому, что она теперь получила власть над королевой: лишившись трех капелек материнской крови, та становилась совсем слабою и беспомощною. Когда она, вернувшись от реки, хотела опять сесть на своего коня, который звался Фалада, камеристка сказала ей: «На Фаладе следует мне ехать, а тебе на моей кляче», – и королевна должна была на это согласиться.

Затем камеристка приказала ей очень грубо, чтобы она сняла с себя королевское платье и надела ее, простое, и сверх того под открытым небом должна была поклясться, что она никому при королевском дворе ни слова не скажет о том, что они платьями обменялись; а если бы она не дала этой клятвы, то камеристка грозила ее на месте убить. Но Фалада все это видел и все примечал.

И вот камеристка села верхом на Фаладу, а настоящая невеста на ее плохого коня, и так поехали они далее, до самых ворот королевского замка.

Там очень обрадовались их прибытию, королевич выбежал им навстречу, помог камеристке слезть с коня и вообразил себе, что она-то и предназначена ему в супруги.

Он повел ее вверх по лестнице в замок, а настоящая-то королевна должна была внизу дожидаться. Старый король тем временем смотрел из окошка во двор и заметил, какая она была тонкая, нежная и красивая; тотчас пошел он к невесте и спросил ее, что за особа с ней приехала и там во дворе осталась и кто она такова. «Я ее с собой на дороге прихватила, чтобы не одной мне ехать; дайте ей какую-нибудь работу, чтобы она не оставалась без дела».

Но у старого короля не было для нее работы, и он сказал только: «Есть у меня маленький мальчишечка, что гусей пасет, вот пусть тому помогает».

Мальчика того звали Кюрдхен, ему-то и должна была настоящая невеста помочь гусей пасти.

Вскоре после того ложная невеста стала говорить, молодому королю: «Милый мой супруг, прошу вас сделать мне маленькое одолжение». – «С удовольствием», – отвечал он. «Так вот, прикажите позвать живодера и отрубить голову тому коню, на котором я сюда ехала, потому что он мне очень досадил по пути сюда».

Так говорила она нарочно, а собственно-то говоря, опасалась того, что эта лошадь могла бы рассказать, как она обращалась в дороге с королевной.

Дошел и до настоящей королевны слух о том, что верный Фалада должен умереть, и вот она тайно обещала живодеру дать

червонец, если тот ей окажет маленькую услугу.

В королевском городе были большие мрачные ворота, через которые она ввечеру и поутру должна была прогонять гусей. Вот под этими воротами она и просила живодера прибить голову Фалады ей на память. Так и пообещал ей живодеров помощник, отрубил верному коню голову и прибил гвоздем под мрачными воротами.

Рано утром, когда она с Кюрдхеном прогоняла гусей под воротами, она сказала мимоходом:

Висишь ты здесь, мой верный Фалада!

– а голова ей отвечала:

А тебе, королева, гусей гнать надо...  
Если б твоя матушка про то дозналась,  
Сердце бы ее тогда разорвалось!

Так и прошли они далее за город, и пригнали гусей на пастбище. Придя на лужок, присела она на травку, распустила свою косу, а коса у ней блестела как золото, и Кюрдхен это увидел, и очень ему понравился блеск ее волос, и он захотел парочку их у королевы из косы вырвать.

Тогда она проговорила:

Дуй, подуи-ка, ветерок,  
Сдуй с Кюрдхена колпачок;  
Вдаль гони его, прошу,  
Пока косу расчешу!

И налетел вдруг такой сильный ветер, что сдул с Кюрдхена его колпачок, погнал его вдаль, и мальчик вынужден был за тем колпачком бежать.

Пока он вернулся, королева расчесала и прибрала свои волосы, и мальчику не досталось ни одного ее волоска. Тогда мальчик рассердился на нее и не стал с нею говорить; и так пасли они гусей до самого вечера, а затем отправились домой.

На другое утро, проходя под мрачными воротами, королева сказала:

Висишь ты здесь, мой верный Фалада!

– а Фалада отвечал ей:

А тебе, королевна, гусей гнать надо...  
Если б твоя матушка про то дозналась,  
Сердце бы ее тогда разорвалось!

А придя на пастбище, села она опять на лужок и опять стала расчесывать свои волосы, и Кюрдхен стал опять за нею бегать и хотел ее ухватить за волосы; но она проговорила:

Дуй, подууй-ка, ветерок,  
Сдуй с Кюрдхена колпачок;  
Вдаль гони его, прошу,  
Пока косу расчешу!

И налетел ветер, и сорвал с головы у мальчика его колпачок, и пришлось ему долго за ним бегать, а когда он вернулся, она уж давно прибрала свои волосы, и он ни одного волоска от нее добыть не мог; и опять они пасли своих гусей до вечера.

Под вечер, однако же, когда они гусей пригнали, Кюрдхен пошел к старому королю и сказал: «С этой девушкой я не хочу больше гусей пасти». – «А почему бы так?» – спросил король. «Да она мне целый день досаждает».

Старый король стал расспрашивать его, чем она ему досаждает. На это Кюрдхен сказал: «Утром, когда мы с гусями проходим под мрачными воротами, а там лошадиная голова на стене повешена, она той голове говорит:

Висишь ты здесь, мой верный Фалада!

– а голова ей отвечает:

А тебе, королевна, гусей гнать надо...  
Если б твоя матушка про то дозналась,  
Сердце бы ее тогда разорвалось!»

А затем он рассказал королю, что каждое утро происходит на гусяном пастбище и как он должен по ветру гоняться за своей

шляпенкой.

Старый король приказал ему на следующий день опять гнать гусей с королевной, а сам спозаранок засел позади мрачных ворот и слышал своими ушами, как она говорила с головой своего Фалады; затем пошел он за нею следом на пастбище и спрятался за куст на лужайке.

Тут вскоре он своими собственными глазами увидел, как Кюрдхен и гусятница пригнали стадо гусей и как она потом села и распустила свои волосы, блестящие как золото. Вслед за тем она опять-таки сказала:

Дуй, подуи-ка, ветерок,  
Сдуй с Кюрдхена колпачок;  
Вдаль гони его, прошу,  
Пока косу расчешу!

И опять налетел порыв ветра и унесся с колпачком Кюрдхена вдаль, так что тот должен был за ним долго бегать, а гусятница тем временем преспокойно расчесывала и плела свои косы, и старый король все это наблюдал из своей засады.

Никем не замеченный, вернулся он домой, и когда вечером гусятница пригнала гусей с пастбища, он отозвал ее в сторону и спросил, почему она все это делает.

«Этого не смею я вам сказать, – отвечала гусятница, – не смею я никому на свое горе пожаловаться, потому что я поклялась об этом молчать, не то придется мне жизнь потерять».

Но король настаивал и продолжал допрашивать, и все же ничего от нее не мог добиться. «Ну, – сказал он, – если уж ты мне ничего сказать не хочешь, так вот поделись своим горем с этою железною печкой», – да на том и ушел.

Тогда влезла королевна в железную печь, стала плакать и жаловаться, облегчила свое наболевшее сердце и сказала: «Вот сижу я здесь, бедная, всеми покинутая! Хотя я королевна по рождению, а коварная камеристка силой заставила меня скинуть мое королевское платье и заняла мое место у жениха, между тем как я стала гусятницей и теперь вынуждена справлять всякую черную работу. Кабы знала то моя матушка, у ней сердце с горя

разорвалось бы!»

А старый-то король тем временем стоял наверху у самого устья трубы, прислушивался и слышал все, что она говорила.

Выслушав ее, он вернулся опять в ту же комнату и велел ей выйти из печки.

Он приказал одеть ее в королевское платье – и надивиться не мог ее красоте.

Затем позвал король своего сына и открыл ему, что приехала к нему не его невеста, а ее камеристка, и что девушка-гусятница есть его настоящая невеста.

Молодой король был радешенек, увидев, какая у него невеста красавица и умница, и по поводу этого открытия затеял большой пир, на который пригласил всех своих друзей и близких.

На первом месте за столом сидел жених, и королева сидела по одну его руку, а камеристка – по другую и настолько была ослеплена, что не могла узнать королеву в ее блестящем наряде.

Когда все попили и поели, и повеселели, старый король задал камеристке загадку: «Чего бы достойна была служанка, которая так-то и так-то обманула свою госпожу?» – и затем, изложив перед всеми историю королевы, потребовал, чтобы камеристка сказала, какой приговор следует произнести над такой обманщицей.

Выслушав короля, камеристка сказала: «Такая обманщица достойна была бы того, чтобы раздеть ее донага, посадить в бочку, убитую гвоздями; а в ту бочку впрячь двух белых коней и на тех конях катить ее по улицам в бочке до самого места казни».

Король же сказал: «Эта обманщица – ты сама, и произнесла ты свой собственный приговор: над тобой его и исполним».

И когда этот приговор был исполнен, молодой король женился на настоящей королеве, и правили они своим королевством долго и мирно.

Загрузка...